

УДК 321

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-1-94-100

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И «МЕНТАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ»

POLITICAL INSTITUTIONS AND «MENTAL IMAGES OF POLITICIANS»

*А. М. Колядин, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва
saranchina69@mail.ru*

A. Kolyadin, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow

Анализируется влияние политических институтов на эффективность легитимации общественных отношений. Подчеркивается значимость в этом политических акторов, в частности соотношения сил между властью и оппозицией. Отмечается зависимость силы воздействия политических институтов в формировании «образа политического сообщества» от степени консенсуса в самовосприятии соответствующей общности.

Показано влияние самих политических институтов на политическую борьбу и потенциальные возможности политических акторов. Делаются выводы, важные для понимания институционализации политического сообщества. Изучены позиции известного политолога С. Хантингтона и других авторитетных западных специалистов по проблемам институционализации политического сообщества

Ключевые слова: политические институты; легитимация власти; политические акторы; власть и оппозиция; политическая борьба; С. Хантингтон; Н. Полсби; Б. Г. Питерс; В. Рандэлл; Л. Свазанд

The article analyzes the impact of political institutions on the effectiveness of the legitimation of social relations. The significance of political actors, and particularly the relation of forces between the government and opposition. The attention is drawn to the dependence of force of political institutions impact on the formation of «the image of the political community» on the degree of consensus on the self-perception of the relevant community.

The influence of political institutions themselves on the political struggle and potential of political actors is shown. The conclusions important for the understanding of the institutionalization of political community are drawn. The positions of the famous political scientist Samuel Huntington and other authoritative of the Western experts on the problems of institutionalization of political community are carefully studied

Key words: political institutions; legitimization of authorities; political actors; government and opposition; political struggle; Samuel Huntington; N. Polsbi; B. G. Peters; V. Randell; L. Svazand

Мера влияния политических институтов на «ментальные политические образы» (эффективность легитимации) во многом определяется конфигурацией (конstellацией) политических акторов, т.е. соотношением сил между властью и оппозицией как умеренной, так и радикальной. Конфигурация акторов указывает на степень

легитимности политического порядка или уровень согласия в сообществе относительно своего образа. При этом следует иметь в виду, что если умеренная оппозиция предлагает лишь иную интерпретацию того или иного ментального конструкта — образа политического сообщества, то радикалы выдвигают альтернативу этому конструк-

ту. Они ставят под сомнение кажущееся естественным, призывают «выйти за рамки возможного». Поэтому сила воздействия политических институтов на формирование «образа политического сообщества» зависит, прежде всего, от степени консенсуса в самовосприятии соответствующей общности.

На политическую борьбу и потенциальные возможности политических акторов влияют также характеристики самих политических институтов. Важно отметить, что относительная самостоятельность последних проявляется не только в том, что они обеспечивают «политическую работу» по легитимации власти, но и в том, что формы политических институтов отнюдь не детерминированы «ментальным образом» политического сообщества. Иначе говоря, одна и та же форма политических институтов может функционировать в контексте самых разнообразных образов. Например, в современном мире сложился своего рода институциональный стандарт (так называемые «демократические институты»), которому вынуждены следовать все страны, не желающие стать изгоями и оказаться в международной изоляции. Поэтому в настоящее время практически во всех странах есть парламенты, конституции, политические партии и т.п.

В сущности, речь идет о проблеме возникновения и изменения политических институтов. В одних случаях институциональные изменения протекают постепенно, естественным путем. Как известно, социальные трансформации всегда имеют непредусмотренные последствия (*unintended consequences*), и многие политические институты «западной демократии» (те же парламенты) изначально являлись отнюдь не демократическими по своему «смыслу». Со временем их значение изменилось, сообщество стало по-новому «осмысливать» уже сложившийся «свой» политический институт. Подобный способ институциональных изменений способствует консенсусу в восприятии соответствующего института, снижая вероятность возникновения радикальной оппозиции по отношению к нему.

Борьба идет в основном вокруг интерпретации этого института — само его существование не ставится под сомнение. В результате резко возрастают возможности «обратного влияния», т.е. воздействия через этот институт на политическое сообщество.

Противоположным вариантом являются «институциональные заимствования», которые концептуализируются через понятие «импорт (или трансплантация) институтов». «Импорт» стимулирует не только различия в интерпретации института, но и радикальные сомнения в его значимости. В условиях отсутствия общественного консенсуса, а тем самым — и достаточной «объективации» контролирующей данный институт политической акторы не в состоянии в полной мере использовать его для легитимации политического порядка и навязывания соответствующего ментального образа политического сообщества.

Согласно концепции «импорта институтов», эффективность «импорта» в значительной мере зависит от «конгруэнтности» формальных (импортированных) институтов и неформальных норм. Высокая степень конгруэнтности приводит к постепенной конвергенции; низкая — к дивергенции, которая, в свою очередь, может повлечь за собой как перерождение импортированных институтов, так и возникновение новых — альтернативных — неформальных норм. В одних случаях импортированные институты становятся лишь «оболочкой», внутри которой функционируют неформальные институты, в других — наблюдается институциональный конфликт или же возникает институциональный гибрид [2].

Данные выводы важны для понимания институционализации политического сообщества, однако концепция «импорта институтов» в ее нынешнем виде не лишена недостатков. Сомнения вызывает уже сама оппозиция «формальное versus неформальное», ведь институт есть не более чем «овеществленная» форма, в которой проявляются «смыслы», «значения», а они обнаруживаются (артикулируются) только в практике его использования. Не получив «значения», не будучи «осмыслен» сообще-

ством, импортируемый образец не является институтом для этого сообщества. Конфликт, таким образом, возникает не между формальным институтом и неформальными нормами, а между теми значениями, которые придаются этому институту в стране-доноре и стране-реципиенте.

Неоправданным представляется объективистский подход сторонников данной концепции к рассматриваемому процессу. Согласно данному подходу, взаимодействие происходит между институтами – импортированными и неформальными. Между тем (что, на наш взгляд, принципиально важно) взаимодействуют не институты, а акторы: импорт институтов «дает старт политической работе» – политической борьбе вокруг создания и навязывания смыслов, значений, которые вкладываются в импортированный институт. При таком прочтении концепция «импорт институтов» обладает большим потенциалом. В частности, она позволяет более точно определять соотношение исходных и верифицированных смысловых компонентов политических институтов, анализировать механизмы их взаимного влияния и границы относительной самостоятельности и эмпирически исследовать под этим углом зрения последствия институционального импорта.

Таким образом, в силу ментальности, неустойчивости и размытости понятие «политическое сообщество» малоприспособлено для практического применения в сфере политической институционализации. «Политическая система общества» как апробированная практикой категория в наибольшей степени соответствует практическим целям исследования процесса институционализации.

Для понимания институционализации как процесса необходимо описать независимые переменные (критерии) институционализации и решить проблему измерения степени институционального развития. С первой исследовательской задачей научное сообщество справилось относительно успешно. Вторая задача представляет собой «постоянное слабое место в институциональных дискуссиях», поскольку не удалось

создать какую-либо грубую метрическую шкалу институционализации.

С. Хантингтон выделяет четыре критерия институционализации:

- 1) адаптивность – ригидность;
 - 2) сложность – простота;
 - 3) автономия – подчинение;
 - 4) сплоченность – раздробленность
- [8. С. 34–37].

Эти критерии неоднозначно восприняты исследователями. По мнению Г. Бен-Дора, «по сути ничто не мешает добавить к предложенным еще и другие критерии (например, функциональность), отбросить один или два (например, сложность), включить один критерий в другой и т.д. Вероятно, можно использовать разные индексы для измерения силы отдельных организаций на микроуровне и институционализации целых систем на макроуровне» [9]. Сомнения по поводу обозначенных критериев высказывали и другие авторы, отмечая, что на их основе довольно проблематично провести эмпирическое исследование.

Кроме того, методологические вопросы возникли в связи с концептуализацией понятия «институционализация». Так, американский исследователь института парламентаризма Д. Джадж обратил внимание на то, что институционализация с позиции С. Хантингтона оказывается преимущественно процессуальным понятием. Она предполагает четыре типа изменений: формирование, развитие, деинституционализацию и реинституционализацию. Названные типы тесно связаны с «появлением» института и «завершением» его функционирования. За рамками анализа оказывается «бытие» института, поскольку если процесс институционализации завершен, то он завершен лишь на какой-то конкретной стадии, и, по сути, никогда не прекращается. Кроме того, закрытым остается вопрос об «институционализированном» институте: является ли он «организационной инерцией» или же «адаптивным и гибким институтом»? [11].

У ряда авторов вызвал сомнение исходный пункт аргументации С. Хантингто-

на, что высокоинституционализированные институты неотвратимо приводят к политическому развитию. Это можно интерпретировать так, что институционализация становится самоценной и это ведет к идеологизации и политизации концепции.

Несмотря на критику, идеи С. Хантингтона послужили стимулом для развития концепции политической институционализации и, в частности, для эмпирических исследований отдельных политических институтов. Последние фокусировались на разработке более изысканного и утонченного исследовательского инструментария.

Чем сложнее организация, тем выше уровень ее институционализации. Сложность может выражаться в умножении организационных структур (иерархическом и функциональном) и дифференциации отдельных типов организационных подразделений. Кроме того, организация, преследующая несколько целей, в большей мере способна адаптироваться к утрате какой-либо одной из целей, чем организация, преследующая одну цель. Опираясь на классические политические теории, утверждает С. Хантингтон, можно прийти к выводу о том, что простые формы управления имеют больше всего шансов для вырождения, в то время как государство «смешанного типа» с большей вероятностью окажется устойчивым [8. С. 37–38].

Политическая институционализация в аспекте автономии означает такое развитие политических организаций и процедур, при котором они не являются простыми выразителями интересов конкретных общественных групп. Политическая организация, являющаяся инструментом некоторой общественной группы – семьи, клана, класса, – не автономна и находится на невысоком уровне институционализации [8. С. 39]. В развитой политической системе автономии системы защищают механизмы, ограничивающие и умеряющие воздействие групп при замедлении вхождения новых групп в политику, либо через политическую социализацию изменяют установки и поведение наиболее политически активных членов группы. Такая политическая система ин-

корпорирует новые общественные силы и новые кадры, сохраняя при этом институциональную целостность.

Чем более сплочена организация, тем выше уровень ее институционализации; чем больше она раздроблена, тем ниже этот уровень. С. Хантингтон отмечает, что «правительства также нуждаются в сплоченности, моральном духе, как и войска. И численность войск, и вооружение, и стратегия имеют значение для успеха военных действий, но даже серьезный дефицит любого из этих факторов может быть компенсирован высоким уровнем сплоченности и дисциплины. То же и в политике» [8. С. 41].

Этот набор критериев постоянно воспроизводится в тех или иных вариациях (полностью или частично) в западной литературе. В частности, идеи С. Хантингтона поддерживает Н. Полсби, который предлагает три характеристики институционализированной организации:

- 1) относительно хорошо отличима от среды;
- 2) является сложной по внутреннему строению;
- 3) действует в соответствии с универсальными и произвольными (автоматическими) процессами принятия решений [13].

Первый критерий Н. Полсби соотносится с таким критерием С. Хантингтона, как автономия, а второй критерий повторяет критерий сложности С. Хантингтона. Отдельного внимания заслуживает третий критерий Н. Полсби, поскольку речь идет о том, что процедуры в рамках институционализированной организации носят устойчивый, рутинный, механический характер.

Б. Г. Питерс придерживается критериев С. Хантингтона и дополняет их еще двумя – конгруэнтность (*congruence*) и эксклюзивность (*exclusivity*) [12]. Конгруэнтность, согласно Б. Г. Питерсу, означает, что отношения внутри политических институтов соответствуют социальным отношениям, которые упорядочиваются и поддерживаются этими институтами. Если политические институты не конгруэнтны, то нет гарантии, что они выживут и будут

эффективны. Понятие «конгруэнтность» также отражает такое явление, как различие между ценностями элит и ценностями масс [12]. Следовательно, в случае расхождения между ценностями элит, отраженными в институтах, и ценностями масс возникает диссонанс, который может стать губительным для институтов.

Критерий эксклюзивности, по мнению Б. Г. Питерса, связан с интенсивностью функциональной конкуренции между институтами. Когда такое соревнование незначительно или его нет вообще, то можно ожидать, что институт просуществует долго. Когда же существует множество институтов, стремящихся осуществлять одни и те же задачи, то конкуренция должна чем-то завершиться, часто снижением количества институтов [12].

Однако часть ученых не признают критерии С. Хантингтона (адаптивность, сложность, автономия, сплоченность). Так, по мнению В. Рандэлла и Л. Свазанда, идеи С. Хантингтона критикуют за то, что, к примеру, в его четырехкомпонентной модели институционализации смешиваются причины и следствия этого процесса, а также за тавтологию критериев. Однако сортировка разного рода отношений (причин и следствий) представляет определенные трудности и поэтому субъективный элемент неизбежен [14. Р. 10].

В. Рандэлл и Л. Свазанд применительно к политическим партиям выстраивают матрицу институционализации. По мнению исследователей, эффективно проводить различия, с одной стороны, между внутренними и внешними аспектами, а с другой – между структурными и позиционными компонентами институционализации [14. Р. 12–13].

Структурный аспект внутреннего изменения институционализации – системность – означает расширяющиеся размах, интенсивность и регулярность взаимодействий, которые образуют партию как структуру [14. Р. 13]. Позиционный аспект внутреннего измерения институционализации – инфузия (вселение, внедрение, внушение) ценности. Инфузия ценности предполагает,

что партийные деятели и сторонники партии приобретают партийную идентификацию и связывают себя с партией, которая перестает быть просто инструментом или средством для реализации личных побуждений благодаря участию в ней [14. Р. 13].

Такой аспект институционализации, как автономия, вызвал в научной среде дискуссии. Проблема заключается в том, действительно ли партия должна быть независима от групп, других институтов, избирателей. Тесная связь партии с обществом в литературе обычно рассматривается позитивно: партия является посредником между государством и гражданским обществом, осуществляющим функцию социального представительства [1]. Вместе с тем превращение партии в «комитет буржуазии» или других классов, социальных групп, групп интересов, лоббистских структур можно считать потерей не только «лица» партии, но и функциональной эффективности. Следует согласиться с мнением о том, что партия должна быть «доминирующим элементом» в отношениях с внепартийными группами и институтами [1]. Партии необходима значительная степень автономии в принятии решений (автономии выбора), т.е. свобода от вмешательства в определение своей собственной политики и стратегий [1]. Наконец, внешнее позиционное измерение институционализации – материализация – означает, что партия начинает существовать в представлении общества.

Обращение к концепциям таких «грандов» западной политологии, как С. Хантингтон и Б. Г. Питерс, стимулирует не только исследование проблемы политической институционализации в российской науке, но и способствует критическому осмыслению зарубежных теорий, которые вносят вклад в осмысление концепта. «Новый институционализм не в состоянии адекватно объяснить процессы институциональных изменений и институционализации» [10]. Вопрос о толковании понятия «политическая институционализация» остается открытым.

Концепт политической институционализации обладает высоким потенциалом

для сравнительных исследований и может применяться на уровне как конкретного института, так и комплекса институтов (например, партийной системы). Измерительный инструментарий становится более адаптированным к изучению того или иного института. В последние десятилетия направление исследований развернулось «вглубь» концепта политической институционализации: разложение на аналити-

ческие уровни, измерения, аспекты и отдельные элементы. Несмотря на то что, как и любой исследовательский инструмент, данный концепт имеет свои ограничения, его использование значительно расширяет поле и возможности политических исследований. Институционализация используется, например, при оценке коррупционных отношений, являющихся проявлением политической преступности [5].

Список литературы

1. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / науч. ред. И. И. Кальной, А. В. Горбань. Симферополь; Севастополь: АРЕАЛ, 2011. 648 с.
2. Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И. И. Кальной, И. Н. Лопушанский. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. 492 с.
3. Бачинин В. А., Сальников В. П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа. СПб.: Фонд «Университет», 2005. 224 с.
4. Олейник А. Н. Институциональная экономика. М., 2000. С. 202–228.
5. Политический режим и преступность: проблема политической криминологии / Д. А. Шестаков, Н. Кристи, Я. И. Гилинский, В. Н. Бурлаков, С. Ф. Милоков, Г. Н. Горшенков, В. П. Сальников, Г. Л. Касторский, П. А. Кабанов, Б. В. Волежкин, Н. Б. Бараева, В. В. Вандышев. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 365 с.
6. Сальников В. П. Институционализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. 2013. № 1 (64). С. 13–15.
7. Сальников В. П. Коррупционные отношения: процесс институционализации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: мат-лы Всерос. науч.-практ. интернет-конф. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2014. С. 113–120.
8. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 34–37.
9. Ben-Dor G. Op. cit., pp. 309–310.
10. Gorges M. New Institutional Explanations for Institutional Change: a Note of Caution // Politics. 2001, vol. 21, no. 2, p. 137.
11. Judge D. Legislative institutionalization: A bent analytical arrow? // Government and opposition, 2003, vol. 38, no. 4, p. 500.
12. Peters B. G. Institutional Theory: Problems and Prospects. Vienna: Institute for Advanced Studies, 2000, p. 9.
13. Polsby N. The Institutionalization of the U.S. House of Representatives // American Political Science Review, 1968, vol. 62, p. 145.
14. Randall V., Svasand L. Party Institutionalization in New Democracies // Party Politics, 2002, vol. 8, no. 1, p. 10.

References

1. *Grazhdanskoe obshchestvo v epohu totalnoy globalizatsii* [Civil society in the era of total globalization]; Scien. Ed. I. I. Kalnoy, A. V. Gorban. Simferopol; Sevastopol: AREAL, 2011. 648 p.
2. *Grazhdanskoe obshchestvo: istoki i sovremennost* [Civil society: the origins and the present]; Sci. Ed. I. I. Kalnoy, I. N. Lopushansky. St. Petersburg: Legal Center Press, 2006. 492 p.
3. Bachinin V. A., Salnikov V. P. *Pravovaya realnost v kontekste tsivilizatsii i kultury. Metodologiya prichinnogo analiza* [Legal reality in the context of civilization and culture. The methodology of causal analysis]. St. Petersburg: Fund «University», 2005. 224 p.
4. Oleynik A. N. *Institutsionalnaya ekonomika* [Institutional Economics]. Moscow, 2000, pp. 202–228.

5. *Politicheskiy rezhim i prestupnost: problema politicheskoy kriminologii* [The political regime and crime: the problem of political criminology]; D. A. Shestakov, N. Christie, Ya. I. Gilinsky, V. N. Burlakov, S. F. Miliukov, G. N. Gorshenkov, V. P. Salnikov, G. L. Kastorsky, P. A. Kabanov, B. V. Volzhenkin, N. B. Barayeva, V. V. Vandyshev. St. Petersburg: Legal Center Press, 2001. 365 p.
6. Salnikov V. P. *Zashhita i bezopasnost* (Privacy and security), 2006, no. 1, p. 6.
7. Salnikov V. P. *Zashhita i bezopasnost* (Privacy and security), 2013, no. 1 (64), pp. 13–15.
8. Salnikov V. P. *Pravovye sredstva protivodeystviya korruptsii v Rossiyskoy Federatsii* (Legal means of combating corruption in the Russian Federation): Materials of All-Russian scientific-practical. Internet Conf. Moscow: REU G. V. Plekhanov, 2014, pp. 113–120.
9. Huntington S. *Politicheskiy porjadok v menyayushhihsya obshhestvakh* [Political order in changing societies]. Moscow: Progress-Tradition, 2004, pp. 34–37.
10. Ben-Dor G. *Op. cit.* (Op. cit.), pp. 309–310.
11. Gorges M. *Politics* (Politics), 2001, vol. 21, no. 2, p. 137.
12. Judge D. *Government and opposition* (Government and opposition), 2003, vol. 38, no. 4, p. 500.
13. Peters B. G. *Institutional Theory: Problems and Prospects* [Institutional Theory: Problems and Prospects]. Vienna: Institute for Advanced Studies, 2000, p. 9.
14. Polsby N. *American Political Science Review* (American Political Science Review), 1968, vol. 62, p. 145.
15. Randall V., Svasand L. *Party Politics* (Party Politics), 2002, vol. 8, no. 1, p. 10.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Колядин Андрей Михайлович, канд. полит. наук, докторант, кафедра «Российская политика», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия. Область научных интересов: общественные отношения, политические институты
saranchina69@mail.ru

Andrei Kolyadin, candidate of political sciences, applicant for doctors degree, Russian Policy department, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: public relations, political institution

Образец цитирования

Колядин А. М. Политические институты и «ментальные политические образы» // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 1. С. 94–100.
DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-1-94-100

Kolyadin A. M. Political institutions and «mental images of politicians» // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 1, pp. 94–100.

Дата поступления статьи: 19.12.2016 г.
Дата опубликования статьи: 31.01.2017 г.